

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.362-375><https://elibrary.ru/caltrk>

УДК / UDC 398.1(1-924.16):81'373

Оригинальная статья / Original article

Сопоставительный анализ поморских и саамских паремий с зоонимическим компонентом

В. Б. Бакула , А. В. Коренева*Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Российская Федерация,*<https://ror.org/01pytr632> museum-vs@yandex.ru

Аннотация

Введение. Современная фольклористика уделяет пристальное внимание устному творчеству отдельных российских регионов, причем особый научный интерес вызывает его изучение на территориях, которые находятся в отрыве от метрополии, а язык и фольклор русских тесно взаимодействуют с языком и традициями соседних народов. Проблема заключается в сохранении и трансформации фольклорных традиций в условиях длительного межэтнического взаимодействия поморов и саамов. Цель исследования – на основе сопоставления паремий с зоонимическим компонентом выявить общие и отличительные черты внутри фольклора Кольского Севера, сформированного разнокультурными традициями соседствующих этносов региона – терских поморов и кольских саамов.

Материалы и методы. Материалом исследования выступили саамские и поморские паремии с зоонимическим компонентом, зафиксированные в сборниках и словарях И. С. Меркурьева, Н. Д. Кушкова, в «Саамско-русском словаре» под редакцией Р. Д. Куруч и в книге Е. И. Мечкиной. В ходе исследования применялись метод сплошной выборки, с помощью которого удалось подобрать примеры для анализа из сборников и словарей; количественный анализ данных для выяснения частотности языковых единиц; сопоставительный анализ фактов разных языков с целью установления специфичности и различия языковых явлений.

Результаты исследования и их обсуждение. Несмотря на одни и те же географические, социально-политические и экономические условия проживания северных народов-соседей, паремии саамов и поморов отличаются национальной спецификой, которая зависит от традиционных видов хозяйствования (оленьеводства у саамов и домашнего животноводства у поморов), в то же время оба народа занимаются рыбным промыслом, что формирует самосознание каждого народа, своеобразное мировидение, содержит ментальные ассоциации носителей разных языков и культур.

Заключение. Проведенное исследование расширяет теоретические аспекты изучения фразеологии в контексте взаимодействия двух неродственных культур, сосуществующих в одном регионе. Практическая значимость заключается в возможности применения результатов этой работы в процессе преподавания и изучения фольклора, языков и культур Кольского региона, межкультурной коммуникации, перевода. Перспектива исследования видится в составлении тематической классификации саамских и поморских паремий, в сопоставительном анализе системы ценностей соседних народов.

Ключевые слова: паремии, зоонимический компонент, терские поморы, кольские саамы, Кольский Север

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 25-28-20241 «Мурман как историко-литературный феномен Арктики» (<https://rscf.ru/project/25-28-20241/>) и Министерства образования и науки Мурманской области (Соглашение от 18.04.2025 г. № 30-2025-000856).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бакула В. Б., Коренева А. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Бакула В.Б., Коренева А.В. Сопоставительный анализ поморских и саамских паремий с зоонимическим компонентом. *Финно-угорский мир*. 2026;18(3):362–375. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.362-375>

A Comparative Analysis of Pomor and Sámi Paremiological Units with a Zoonymic Component

V. B. Bakula ✉, A. V. Koreneva

Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russian Federation,
<https://ror.org/01pytr632>

✉ museum-vs@yandex.ru

Abstract

Introduction. Contemporary folklore studies pay close attention to the oral traditions of individual Russian regions, with particular scholarly interest directed toward territories geographically distant from the cultural centre, where the Russian language and folklore closely interact with the languages and traditions of neighbouring peoples. The key issue lies in the preservation and transformation of folklore traditions under conditions of long-term interethnic interaction between the Pomors and the Sámi. The aim of this study is to identify common and distinctive features within the folklore of the Kola North shaped by the diverse cultural traditions of the region's neighbouring ethnic groups, namely the Tersk Pomors and the Kola Sámi, through a comparative analysis of paremias containing zoonymic elements.

Materials and Methods. The research material comprised Sámi and Pomor proverbs and sayings containing a zoonymic component, documented in the collections and dictionaries compiled by I. S. Merkuriev and N. D. Kushkov, as well as in the Sámi–Russian Dictionary edited by R. D. Kuruch and in the publication by E. I. Mechkina. The study employed the following methods: the continuous sampling method, which was used to select examples for analysis from the relevant collections and dictionaries; quantitative analysis of the data to determine the frequency of linguistic units; and comparative analysis of linguistic phenomena across different languages in order to identify their specific features and differences.

Results and Discussion. Despite the shared geographical, socio-political, and economic conditions in which these neighbouring northern peoples have lived, Sámi and Pomor paremias reveal distinct national characteristics shaped by their traditional livelihoods (reindeer herding among the Sámi and domestic animal husbandry among the Pomors). At the same time, both peoples have traditionally engaged in fishing, which has contributed to the formation of their collective identities, distinctive worldviews, and the mental associations of speakers belonging to different linguistic and cultural communities.

Conclusion. The study conducted expands the theoretical aspects of phraseological research in the context of the interaction between two unrelated cultures coexisting within the same region. Its practical significance lies in the potential application of the findings in the teaching and study of the folklore, languages, and cultures of the Kola region, as well as in the fields of intercultural communication and translation. The prospects for further research include developing a thematic classification of Sámi and Pomor paroemias and carrying out a comparative analysis of the value systems of neighbouring peoples.

Keywords: paremias, zoonymic component, The Terek Pomors, The Kola Sami, Kola North

Funding: This research was supported financially by the Russian Science Foundation as part of Project No. 25-28-20241, “Murman as a Historical and Literary Phenomenon of the Arctic” (<https://rscf.ru/project/25-28-20241/>), and by the Ministry of Education and Science of the Murmansk Region under Agreement No. 30-2025-000856 dated 18 April 2025.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Bakula V.B., Koreneva A.V. A Comparative Analysis of Pomor and Sámi Paremiological Units with a Zoonymic Component. *Finno-Ugric World*. 2026;18(3):362–375. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.362-375>

Введение

Паремиологический фонд языка фиксирует его национальную культуру и народное сознание, этнический менталитет, в нем отражаются «и географическое положение, и история, и традиции той или иной общности»¹. По мнению некоторых

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособ. для студентов и аспирантов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Изд-во Московского ун-та; 2008. С. 352.

исследователей, «наиболее ярко ментальность какого-либо народа проявляется во фразеологизмах с компонентом-зоонимом»², что исторически обусловлено, поскольку человек всегда взаимодействовал с животными: стремился их приручить, охотился, объяснял свое происхождение от определенного животного (тотемизм).

Учитывая, что паремиологический фонд отражает межкультурное взаимодействие, особенно показательны в этом плане фольклорные связи поморов и саамов – двух народов, веками соседствовавших на Кольском полуострове.

Поморы Кольского полуострова проживают на побережье Белого моря – начиная от Колы на севере и заканчивая Кандалакшей и Ковдой на юге. Место их компактного проживания – Терский район Мурманской области. Саамы – коренное финно-угорское население Кольского полуострова, проживавшее дисперсно на указанной территории до начала нашей эры. Освоение Кольского полуострова русскими началось в XII в. с их прихода на север из новгородских земель на сезонный промысел. Впоследствии они обосновали здесь постоянные селения. Взаимодействие культур народов-соседей неизбежно повлияло на становление и укрепление поморско-саамских фольклорных связей³.

Связь поморского и саамского фольклора была зафиксирована еще в конце XIX в.⁴. Этнограф В. В. Сенкевич-Гудкова выделила четыре формы влияния русского сказочного материала на саамскую фольклорную традицию: 1) полное заимствование русского фольклорного сюжета; 2) частичное заимствование; 3) проникновение имен и образов отрицательных героев русского фольклора; 4) заимствование русской лексики. Признавая положительные стороны такого воздействия, она обращала внимание на проблемы, связанные с тем, что русский фольклор вытесняет у кольских саамов их собственную традицию⁵. Д. М. Балашов, проводивший в 50-х – начале 60-х гг. экспедиции по Терскому берегу Белого моря для сбора произведений народной поэзии, также констатировал взаимное влияние фольклора поморов и саамов⁶.

Цель исследования – на основе полученных данных определить специфику и степень взаимовлияния поморского и саамского фольклора, найти общие и отличные черты в нем.

Обзор литературы

В начале XXI в. о вопросах взаимовлияния устного народного творчества саамов и поморов писали О. А. Бодрова [1–3], С. А. Мызников [4], однако проанализированные публикации свидетельствуют об интересе ученых и собирателей в первую очередь к сказочной и несказочной прозе. Мы акцентируем внимание на поморских и саамских паремиях – пословицах, поговорках и устойчивых сравнениях.

Несмотря на активное изучение пословиц лингвистами, литературоведами и этнографами во всем мире, до сих пор отсутствует единая трактовка данного жанра из-за разных оснований его выделения: структуры, дидактичности и метафоричности паремий, их клишированности и устойчивости формы, а также диалогичности и зависимости от контекста⁷. Нет единого подхода к вопросу о соотношении пословиц и поговорок [5].

² Баштабак А.Ш. Фразеологизмы с зоонимным компонентом в русском языке. *Символнауки*. 2020;(12–1):128–131. С. 129. URL: <https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2020-12-1.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

³ Ушаков И.Ф. Избранные произведения в 3-х т.: историко-краеведческие исследования. Т. 2: Кольский Север в досоветское время. Мурманск: Кн. Изд-во; 1998. 368 с.

⁴ Щеколдин К.П. Лопарские сказки, легенды и сказания, записанные в Пазрецком погосте, пограничном с Норвегией. *Живая старина*. 1890;(1):17–25.

⁵ Сенкевич-Гудкова В.В. Сказки иоканьгских саамов как исторический источник. *Ученые записки Карельского пединститута. Серия историко-филологических наук*. 1956;3(1):103–116.

⁶ Балашов Д.М. Сказки Терского берега Белого моря. Л.: Ленингр. отд-ние; 1970. 447 с.

⁷ Dundes A. The Meaning of Folklore: The Analytical Essays of Alan Dundes. Logan: Utah State University Press; 2007. 459 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt4cgrzn>; Norrick N.R. How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton; 1985. 213 p.; Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport: Greenwood Press; 2004. 328 p.; Ballard M. “Le proverbe”: approche traductologique réaliste. In: Quitout M., Sevilla Muñoz J. Traductologie, proverbes et figements. Paris: L’Harmattan; 2009. P. 37–53; Cram D. The Linguistic Status of the Proverb. In: Wise Words: Essays on the Proverb. New York, Garland; 1994. P. 73–98; Čermák F. Proverbs: Their Lexical and Semantic Features. In: “Proverbium” in Cooperation with the Institute of the Czech National Corpus. Burlington: The University of Vermont; 2014. 234 p.

В данном исследовании мы придерживаемся расширительного подхода к паремиологии вслед за Г. Л. Пермяковым⁸ и В. М. Мокиенко⁹ и относим к паремиям устойчивые сравнения как сопоставимый фразеологизированный материал. Включение нами в корпус исследования устойчивых сравнений обусловлено их высокой лингвокультурологической значимостью¹⁰. В последние годы появились работы, посвященные различным аспектам исследования саамских пословиц и поговорок: метафорическим моделям, лежащим в основе пословиц [6]; национально-культурной специфике языковой картины мира коренного малочисленного народа Кольского Севера [7], в том числе в пословицах и поговорках с зоонимическим компонентом¹¹; ценностному потенциалу саамских паремий как основе обучения родному языку¹². Интерес представляет монография марийского ученого А. Е. Китикова, где автор предлагает текстолого-тематический и поэтический анализ устойчивых выражений финно-угорских и иных народов региона¹³. Саамские пословицы и поговорки исследуются в коллективной монографии В. А. Глухова и Н. Н. Глухой с точки зрения этнических ценностей [8], однако авторы предлагают рассматривать саамский язык без разделения его на диалекты.

Специальных работ, посвященных семантическому и структурному анализу пословиц и поговорок поморов Терского берега Мурманской области, в научной литературе не обнаружено.

Авторов статьи интересовали публикации сравнительного характера, раскрывающие аспекты длительного взаимодействия саамов и поморов и его влияния на формирование их паремиологического фонда. Однако пословицы и поговорки Кольского Севера в сопоставительном аспекте в научных трудах не освещены. Имеются исследования, посвященные сравнительному анализу русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок [9], сопоставлению саамских пословиц с русскими, но без учета региональных особенностей [7].

Материалы и методы

Изучение фольклорных материалов, записанных собирателями устного народного творчества, показывает, что паремий достаточно много как в поморском говоре, так и в саамском языке. Для более подробного анализа мы сузили выборку и сосредоточились на паремиях с зоонимическим компонентом, поскольку языки традиционно используют семантическую сферу «животные» в качестве базы для метафорического осмысления окружающего мира, в первую очередь человека¹⁴ [9]. Такой выбор обусловлен еще и тем, что животный мир всегда играл очень важную роль в жизни поморов¹⁵ и саамов, что отразилось в их верованиях.

Источником для анализа поморских пословиц о животных послужил сборник И. С. Меркурьева «Пословицы и поговорки Поморья»¹⁶. Большинство публикуемых в нем материалов было собрано ученым в 1957–1991 гг. во время ежегодных

⁸ Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука; 1988. 235 с.

⁹ Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособ. для вузов. М.: Высш. шк.; 1989. 286 с.

¹⁰ Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта, Наука; 2009. 461 с.

¹¹ Пешкова В.С., Бакула В.Б. Образы животных в саамских пословицах и поговорках. В: Язык. Речь. Коммуникация: сб. науч. статей. Мурманск: МАГУ; 2016. С.122–127.

¹² Антонова А.М. Ценностный потенциал саамских паремий как основа обучения родному языку: постановка вопроса. В: XX Масловские чтения: филология и филологическое образование в региональном аспекте: сб. науч. статей. Мурманск: МАГУ; 2022. С. 250–256.

¹³ Китиков А.Е. Свообразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: к проблеме национального и интернационального: моногр. Йошкар-Ола: МарНИИ; 1989. 176 с.

¹⁴ Mrhačová E. Parémie se zoopelativem jako základovým slovem v češtině a polštině. In: Parémie národů slovanských. Ostrava; 2003. S. 107–115.

¹⁵ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.: Наука; 2020. 637 с.

¹⁶ Меркурьев И.С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб.; 1997. 148 с.

диалектологических экспедиций в старинные русские поселения Поморья. Исходя из задач исследования, мы выбирали только пословицы и поговорки, записанные в деревнях и поселках Терского района Мурманской области (Варзуга, Кашкаранцы, Кузрека, Оленица, Стрельна, Тетрино, Умба, Чаваньга, Чапома).

Для отбора пословиц и поговорок был также привлечен словарь Н. Д. Кушкова, объединяющий материал, собранный автором на Терском берегу¹⁷. Значения многих зафиксированных в нем слов и устойчивых словосочетаний перекликаются со словарем И. С. Меркурьева. Работа Н. Д. Кушкова представляет большой интерес для изучения наивного языкового сознания и метаязыковой рефлексии, для обнаружения социолингвистических акцентов в лексиконе носителя говоров. Кроме того, в ней содержатся толкования значительной части паремий, что обусловлено хорошим знанием поморских пословиц и поговорок автором – носителем поморского говора.

Для выявления саамских паремий с зоонимическим компонентом использовались «Саамско-русский словарь» под редакцией Р. Д. Куруч¹⁸, книга Е. И. Мечкиной «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи»¹⁹, которые предоставляют буквальный перевод паремий на саамский язык, сделанный носителями языка.

Методами исследования выступили метод сплошной выборки (подбор примеров для анализа из перечисленных сборников и словарей), количественный анализ данных (определение частотности языковых единиц), сопоставительный анализ (сравнение фактов разных языков с целью выяснения специфичности и различия языковых явлений).

Результаты исследования и их обсуждение

При большом разнообразии региональной специфики жизненный уклад, социальные и экономические отношения в дореволюционной России были едиными, поэтому на всех российских территориях встречаются одни и те же общерусские пословицы и поговорки, в том числе и в поморском говоре: жди у моря погоды; не плюй в колодец, пригодится воды напиться и др. Есть заимствованные пословицы, в переводе полностью совпадающие с общерусскими, и в саамском языке: ворон ворону глаз не выклюет; в гостях хорошо, а дома лучше. Особый интерес представляет материал с ярко выраженным местным колоритом, который нельзя было услышать в других областях России: как сижок светает; рыба идет, дак в колокола не бьет – помор.

Приведем ряд паремий, отражающих специфику материальной и духовной культуры северных народов-соседей.

Поморские паремии.

Надоели январские морозы, да не лучше февральские переносы (о февральских сменных переносах, называемых на Терском берегу «хивуса»).

Репники не пироги, а кузомляна не женихи (ироничное замечание о местных кулинарных предпочтениях и соперничестве поморских деревень Кузомени и Варзуги).

Светает как оварена козуля (говорят об очень красивой женщине или девушке; козули – выпеченные из теста фигурки).

Сделан не на тот копыл (человек другого склада, другого характера; копыл – деталь деревянных саней, под которую подгоняют отверстия).

Саамские паремии.

Легко кроить пошире из чужой шкуры (чужие проблемы легко решаемы / легко обогащаться за счет других).

¹⁷ Кушков Н.Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга: Опимах; 2011. 166 с.

¹⁸ Саамско-русский словарь: 8 000 слов. М.: Рус. яз.; 1985. 567 с.

¹⁹ Мечкина Е.И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН; 2010. 54 с.

Сеть на вешалах (вешала – приспособления для сушки сетей, жерди-опоры) ничего не поймает (если не приложишь труда, ничего не получишь).

Кувакса (кувакса – переносное жилище саамов из жердей; покрывалось берестой или оленьими шкурами) без огня как могила (выражение используют, когда не хватает чего-то важного).

Лучше сухожилие во рту, чем жирный кусок в лесу (лучше довольствоваться малым и реальным, чем гнаться за большим и несбыточным).

К хорошему ружью добыча сама придет (умелый человек с любым делом справится).

Результаты количественного анализа всех зафиксированных в словарно-справочной литературе зоонимических паремий поморов и саамов представлены ниже. В рамках настоящего исследования понятие «зоонимический компонент» рассматривается нами в широком значении, в связи с чем паремии разделяются на четыре группы: с названиями птиц, рыб, животных (диких и домашних), насекомых.

В результате применения метода сплошной выборки зафиксировано 99 поморских и 60 саамских паремий с зоонимическим компонентом.

Поморские паремии.

1. С названиями птиц (25 ед.):

1) ворон(а) (7 ед.): на чужой сторонushке заклюют воронushки; старый ворон зря не куркает; дружные вороны и гуся утащат; не ворона однеже разносила, а были бы счастки одне впереди; у кого вороны глаза клюют, тот и пьяный; в своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет; не выглядывай в окошечко – ворона унесет.

2) петух/курица (5 ед.): курица не птица, а баба не человек; курицы не накормить, а бабы не надеть; от лета курицы не бьют; куру не накормишь, а девку не нарядишь; ни петух, ни курица – одна растатурица (обл. суматоха, беспорядок).

3) чайка, гагара (4 ед.): смеле девки, да смеле чайки никого нет; чайка села в воду – жди хорошую погоду; чайки бродят по песку – моряку судят тоску; голод и гагару ест.

4) птица как родовое понятие (3 ед.): птица узнается по перышкам – человек по ухваткам; ранняя птичка носок чистит, а поздняя – крылышки расправляет; в благо-вещенье птица гнезда не вьет, красна девица косы не плетет.

5) гусь (2 ед.): налетели гуси с Руси; хитры гуси, а не зябнут ли лапки?

6) сокол (2 ед.): работа не сокол: никуда не убежит; видать сокола по полету.

7) лебедь (1 ед.): лебедь летит близко – скоро зима близко.

8) глухарь (1 ед.): стар мошник (диал. глухарь), да уха сладка.

2. С названиями рыб (21 ед.):

1) рыба как родовое понятие (11 ед.): ветер подлает – рыба будет; в тихой губке больше рыбки; озеро не море: с кошель (с котел) моря дает; была бы рыба, а хлеб будет; в воду не лезь, и рыбы не есть; рыба есть ли, нет ли в тоне – был бы рыбак на тоне; рыб ловят, а мух варят; без труда не вытянешь и рыбки из пруда; рыба дырок не ищет; рыбы духу нет; рыба идет, дак в колокола не бьет.

2) семга (2 ед.): семга глаза не выколет; беломыса (диал. семга, идущая в реки после выпадения первого снега) теперь окупит.

3) треска (2 ед.): ой тоска, не клюет треска; трещечки не поешь – дак не пообедаешь.

4) налим (2 ед.): как менек пошевеливается; какмень улизнул (менек – диалектизм, перешедший в поморский говор из прошлого: в XVI в. в России именно так называли налима).

5) щука (2 ед.): как щука за уду хватается; рыба щука харчиста – с хвоста сглонет.

6) сайка (1 ед.): много сайки – много корму.

7) сиг (1 ед.): как сижок светет.

3. С названиями животных (диких и домашних) (47 ед.):

1) корова (15 ед.): вот беда-то: не корова – сватья парева не ест; время корову ломат, когда семеро под попу вздымат; корова не гостья, сено видит, так ест; выбирай коровушку по рогу, а девушку по роду; летом корову не забивают и девку замуж не отдают; корова не свекрова, помычит да замолчит; плоха корова все стадо марает; какова корова, дак такова и телица; бодливой корове бог рогов не дал; вспоминай, корова, красно лето; ласковый теленок двух маток сосет; пропавшая корова всегда дойна; чей бы бык не скакал, а телята наши; десять лет коровы нету, а на масло отрыгается; телята в брюхе, а мы с обухом.

2) конь (7 ед.): бурка идет на горку, а сивка под горку; в Ильин день сивого коня из-за огорода не видать; май – коню сена дай, сам на печь полезай; от работы кони дохнут; в уборе и конь хорош; кобыла мерина ядренее: сено возит и жеребят носит; худому коню так уж все непогодье.

3) баран/овца (6 ед.): наш баран не ходит без ран; ягненок тот же ребенок; повадилась овечка соли лизать – тяжело отставать; баран да овца, да опять с конца; стянуло, как еретина ягушку; и волки сыты и овцы целы.

4) медведь (4 ед.): работа – не медведь, дает и поглядеть; медведь всю зиму не моется, но люди его все равно не боятся; старого медведя поздно учить; в Оксенью-полужимницу медведь на второй бок поворачивается.

5) собака (4 ед.): море не погано, что собаки лачут; любопытной Варваре собаки хвост оторвали; как собака палку любит; собака собаке дивуется, а обе живут на улице.

6) кот (3 ед.): кот намывается – гостей дожидается; на купило кошка вступила; бедный кот молока не пьет.

7) свинья (3 ед.): однеже свинье в году праздник; незванный гость, как свинья бредет; свинья грязи найдет.

8) олень (2 ед.): у рыбака стужа да нужда, нет того хуже, карбас текучий, женка... и олень присталой; имеешь оленей – не имей лени.

9) зверь как родовое понятие (1 ед.): переднему зверок, а заднему следок.

10) волк (1 ед.): оголодал, дак думал волка с шерстью съем.

11) мышь (1 ед.): по домам, как мыши по дворам.

4. С названиями насекомых (6 ед.):

1) комар (4 ед.): комар в Ильин день последню ужну отужнат; тихо, лосо, ветерок – где-то бедный комарок; дело не комар – от него не отмахнешься; о Петрове дни старуха на печи замерзла, а на Крещеньи комары заедали.

2) таракан (1 ед.): у него скотины – таракан да жужолица, посуды – крест да пуговица, одежды – мешок да рядно.

3) вошь (1 ед.): хожу как вошь по ошкуру.

Саамские паремии.

1. С названиями птиц (17 ед.):

1) ворон/ворона (6 ед.) [кърнэсь/вӯрэч]: къррнас пйссесът вуайй нюхч манѳ коаввнэ (букв.: И в гнезде ворона можно найти лебединое яйцо); кърнэсь эйй сту-эй ёнукрэмуж (букв.: Ворон не стоит выстрел); кърнэсь къррнэз чальм эйй нуэгк (букв.: Ворон ворону глаз не выклюет); кърнэсь пай каввн йджесь йжесьналшэм (букв.: Ворон всегда найдет себе подобного); смйһтэ къррнэз, поабпхэ лйхьме (букв.: Целиться в ворону, а попасть в корову); воалльтэнь вйлькесь нюххч, а кавьсэнѳ вӯрченѳ (букв.: Взяли (сосватали) белую лебедушку, а превратили в ворону).

2) птица как родовое понятие [лоаннѳт] (4 ед.): летящую птицу трудно поймать; только летающая птица что-нибудь найдет; каждая птица должна в свои перья рядиться; каждая птица поет своим голосом.

3) сорока [вӯрэч] (2 ед.): сорока на хвосте принесла; погов. Эйй шувв йллмужэсьт нюххч вӯрченѳ коаввэсьт (букв.: Не от хорошей жизни лебедь превратился в сороку).

4) куропатка [рыххп, коаман (самка), ляссэгк (самец)] (2 ед.): лучше куропатка в руках, чем медведь в лесу; хлопочет вокруг них, как куропаточка.

5) лебедь [нюххч (самец, самка)] (1 ед.): не от хорошей жизни лебедь превратился в сороку.

6) глухарь [чуххч (самец), куэххьпель (самка)] (1 ед.): глухарь куда бы не летел, везде корм еловые иголки.

7) гусь [чуэнь (самец, самка)] (1 ед.): жили как гусь с водой.

2. С названиями рыб (11 ед.):

1) рыба как родовое понятие [кўль] (8 ед.): в сухую сеть рыба не попадет; рыбу за хвост нелегко держать; я не рыба, которую ты используешь в качестве наживки; сеть свою рыбу найдет; гром гремит, лед сошел, улов рыбы будет плохой; согнулся как жареная рыба на деревянном шампуре; мясо и рыбу в одном котле не варят; рыба всегда в воде, а сеть чаще на стене.

2) щука [ныгкеш] (1 ед.): печаль смахнул, как из щучьей кишки выпал.

3) семга [лўсс (взрослая, крупная), тїннт (молодая, помельче)] (1 ед.): в голове семги больше еды, чем у бедняка в запасе.

4) окунь [вуэсс] (1 ед.): у сильного в руках и окуня от чешуи очистишь.

3. С названиями животных (диких и домашних) (28 ед.):

1) олень [пуаз] (12 ед.): весенняя вода идет, как олень во время миграции бежит, ничто его (ее) не остановит; вылинявший олень в кинтище, а дымокур в озеро; олень видно теленком, а человека в люльке; на оленях едет, а вязальные иглы теряет; закончил большое дело, словно от оленьей упряжи освободился; хороший олень виден под грузом, а хорошая жена у люльки; у бедняка оленей всегда волки поедают; олень и волк по одной тропе не ходят; идет как изнуренный олень; олененок бежит за матерью до тех пор, пока у нее есть молоко; если волк начал в стадо бегать, оленям пришел конец; олень выбирают не по рогам.

2) собака [пённо] (5 ед.): старая собака бежит вперед, молодая за ней; старая собака перегрызет и толстую веревку; собаке дай кость, а в ответ услышишь рычание; что поп, что собака: поп кормится проповедями о боге, а собака – лаем; кошка царапается, собака кусается.

3) кот [коасс] (3 ед.): кошка моется, гости будут; живут как кошка с собакой; кошка царапается, собака кусается.

4) заяц [нюэммель] (3 ед.): у меня не заячье сердце; у зайчихи в гостях был (заблудился); в чужих руках (амбаре) хранит продукты, а для семьи принесет лапку зайца.

5) медведь [тāлл] (2 ед.): придет медведь – шкуру с головы снимет; с трусом на медведя не ходят.

6) волк [пальтэсь] (1 ед.): спящий волк овцу не съест.

7) мышь [сāххплиннк] (1 ед.): мышь мала, но копны сена не боится.

8) овца [лāмпэсь] (1 ед.): спящий волк овцу не съест.

4. с названиями насекомых (4 ед.):

1) комар [чўшшк] (2 ед.): вылинявший олень в кинтище, а дымокур в озеро; туюсок с ягодами в вежу, дымокур на улице.

2) паук [оāз] (1 ед.): сеть паука висит не на одной паутинке.

3) муравей [кōттк] (1 ед.): как муравей, все в свою вежу тащит.

Для выявления зоонимических доминант поморских и саамских паремий была рассчитана частотность упоминания животных. В ходе сопоставительного анализа учитывались не только абсолютные показатели, но и процентное распределение внутри каждой выборки.

Наиболее многочисленную группу составляют паремии с названиями животных: как диких (медведи, зайцы, мыши и др.), так и домашних (коровы, овцы, кошки, свиньи, собаки, олени и др.) (табл. 1).

В паремиях саамов чаще всего упоминается олень (20 %), поскольку в основе этнографической самобытности этого народа лежит оленеводство. Олени всегда были для саамов источником еды, одежды и лекарств: мясо и кровь представляли собой высококалорийную пищу и служили средством от цинги; шкуры шли на изготовление одежды и обуви, на устройство жилища; оленя использовали для перевозки клади (вьюком или на санях). Все наблюдавшие жизнь саамов отмечали их особую любовь к этим животным, им давались ласковые имена, о них слагались песни и сказки, прославлялись их красота и сила²⁰.

В поморских паремиях олень упоминается дважды (2 %), несмотря на то, что долгое время это животное активно использовалось поморами как основное средство передвижения²¹. Возможно, появление оленей в хозяйстве рассматривалось как необходимость, а привычнее были домашние животные (коровы, бараны, овцы), которых разводили для получения необходимых в рационе молочных продуктов и для изготовления шерстяных изделий. Они связывали поморов с бытом, которым жили когда-то их предки, с жизнью русских крестьян в центральной России, поэтому так много общерусских паремий, в основе которых образы коровы, коня, барана. Отметим, что в саамских паремиях эти животные не упоминаются (обнаружена лишь одна поговорка с упоминанием овцы), поскольку их количество в хозяйстве саамов было минимальным.

Т а б л и ц а 1. Сопоставительные данные о частотности и процентном распределении упоминаний животных в поморских и саамских паремиях

Table 1. Comparative statistics on the frequency and proportional distribution of animal designations in Pomor and Saami paremias

Животные (дикие и домашние) / Animals (wild and domestic)	Поморские / The Pomor		Саамские / The Saami	
	ед. / units	%	ед. / units	%
Корова / Cow	15	15,2	—	—
Конь / Horse	7	7,1	—	—
Баран/овца / Sheep	6	6,1	1	1,7
Медведь / Bear	4	4,0	2	3,3
Собака / Dog	4	4,0	5	8,3
Кот / Cat	3	3,0	3	5,0
Свинья / Pig	3	3,0	—	—
Олень / Deer	2	2,0	12	20,0
Животное как родовое понятие / Animal as a generic concept	1	1,0	—	—
Волк / Wolf	1	1,0	1	1,7
Мышь / Mouse	1	1,0	1	1,7
Заяц / Hare	—	—	3	5,0
Итого / Total	47	47,5	28	46,7

Примечание: проценты в таблицах 1–4 рассчитаны от общего числа зоонимических паремий (поморы – 99, саамы – 60). Графа «Итого» показывает суммарное количество паремий в данной категории и их долю от общего фонда.

Note: The percentages in Tables 1–4 are calculated based on the total number of zoonymic paremias (99 for the Pomors and 60 for the Sámi). The “Total” column indicates the overall number of paremias in each category and their proportion of the entire corpus.

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: Here and throughout the article, all tables are compiled by the authors.

²⁰ Волков Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. СПб.: 1996. 106 с.; Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лапландии; 1998. 129 с.; Чарнолуцкий В.В. В краю летучего камня. М.: Мысль; 1972. 270 с.; Хомич Л.В. Саамы. СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение»; 1999. 135 с.; Чарнолуцкий В.В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука; 1965. 140 с.

²¹ Ушаков И.Ф. Избранные произведения в 3-х т.: историко-краеведческие исследования. Т. 2.

У поморов в паремиях с зоонимическим компонентом доминируют названия домашних сельскохозяйственных животных (в совокупности – 28,4 %), что отражает их связь с русской крестьянской культурой.

На втором месте – паремии с упоминанием птиц (табл. 2).

Наибольшей частотностью как в поморских, так и в саамских паремиях характеризуется образ ворона/вороны. Данная закономерность, вероятно, может носить бытовой характер, поскольку вороны – одни из самых распространенных птиц на Терском берегу. Также это может быть связано с ролью ворона в славянской и саамской мифологиях (у славян – мудрая птица, предвестник несчастья, смерти и печали и др.; у саамов – ворон-оборотень: *kārñěsluvvə* фольк. ‘превратиться в ворона’²²).

Ворон и ворона – принципиально разные птицы как в поморской, так и саамской культуре, однако если символика данной птицы в русской народной традиции изучена достаточно основательно²³, то в саамской культуре она практически не исследована, исключение представляет статья о роли ворона в тотемном саамском мифе [10]. В саамском языке для обозначения ворона существует отдельная лексема – *kārñěs* (мн. *kārñnas*)²⁴, *kārñěs* (*kārñnas*)²⁵; для вороны – лексема *vūrəč*²⁶, которая используется также для обозначения сороки: *vūrəč pēdtaš alñ pydēt* ‘сорока на хвосте принесла’²⁷. Таким образом, вопрос символики ворона/вороны в саамской народной культуре, а также этимологии лексем для их обозначения представляет определенный интерес и открывает перспективу дальнейшего исследования.

Большинство представленных в статье паремий с образом ворона имеет негативную окраску. В поморских пословицах лишь единожды отмечается его мудрость – старый ворон зря не куркает. В остальных случаях ворон рассматривается как агрессор: он заклюет, утащит, унесет²⁸. Встречающийся у саамов и поморов мотив

Т а б л и ц а 2. Сопоставительные данные о частотности и процентном распределении упоминаний птиц в поморских и саамских паремиях

Table 2. Comparative statistics on the frequency and proportional distribution of bird designations in Pomor and Saami paremias

Птицы / Birds	Поморские / The Pomor		Саамские / The Saami	
	ед. / units	%	ед. / units	%
Ворона/ворон / Crow	7	7,1	6	10,0
Петух/курица / Rooster/Chicken	5	5,1	–	–
Чайка, гагара / Gull, Loon	4	4,0	–	–
Птица как родовое понятие / Bird as a generic concept	3	3,0	4	6,7
Гусь / Goose	2	2,0	1	1,7
Сокол / Falcon	2	2,0	–	–
Лебедь / Swan	1	1,0	1	1,7
Глухарь / Grouse	1	1,0	1	1,7
Сорока / Forty	–	–	2	3,3
Куропатка / Partridge	–	–	2	3,3
Итого / Total	25	25,3	17	28,3

²² Саамско-русский словарь: 8 000 слов. С. 58.

²³ Сумцов Н.Ф. Воронъ въ народной словесности. В: Этнографическое обозрѣніе. Кн. 1. М.: Тип. Е. Г. Потапова; 1890. С. 61–86; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик; 1997. 910 с.

²⁴ Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособ. для уч-ся нач. шк. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние; 1986. С. 36.

²⁵ Саамско-русский словарь: 8 000 слов. С. 102.

²⁶ Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. С. 23.

²⁷ Саамско-русский словарь: 8 000 слов. С. 58.

²⁸ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции.

выклевывания глаз (у кого вороны глаза клюют, тот и пьяный; в своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет) объясняется так: «Ворон глаза очень любит, и, если какая падала на улице, ворон в первую очередь выклюет глаза»²⁹.

У саамов также частотны паремии с пренебрежительной окраской (ворон не стоит выстрела), ироничного характера (целиться в ворону, а попасть в корову).

В паремиях поморов неоднократно упоминаются петух/курица (в большинстве случаев эти паремии имеют шутливо-ироничную окраску). Встречаются и такие морские птицы, как чайки и гагары, что, безусловно, связано с рыбным промыслом поморов.

Интересен тот факт, что у поморов и саамов очень мало паремий с упоминанием птиц, на которых они охотились: найдено всего два примера с упоминанием глухаря (по одной у саамов и поморов) и два – с упоминанием куропатки (у саамов). Причин может быть несколько:

- специфика жанра (в паремиях, как правило, фиксируются повседневные занятия, а охота на дичь имеет сезонный характер);

- неполнота фольклорных записей (паремии с упоминанием лесных птиц не попали в анализируемые источники);

- фиксация в паремиях либо важных в хозяйственном отношении, либо символически маркированных животных (лесные птицы не относятся к данным категориям).

Единичность упоминаний сокола, гуся вполне объяснима и обусловлена тем, что такие птицы в северной природе не водятся.

Паремии с упоминанием рыб по количеству находятся на третьем месте (табл. 3), несмотря на то, что именно лов рыбы давал населению Кольского полуострова основные средства к жизни.

В корпусе паремий поморов зафиксировано несколько единиц с упоминанием семги, трески, налима, щуки, сига; у саамов выявлены паремии, включающие отсылки к щуке (2 единицы), семге и окуню (по 1 фиксации). И если единичные упоминания пресноводной рыбы можно объяснить тем, что для поморов и саамов речной и озерный лов был лишь подспорьем, то такие же редкие упоминания семги и трески вызывают интерес, поскольку семужий и тресковый промыслы занимали первое место по доходности, а треска являлась основной пищей поморов.

Причины такого явления, вероятно, кроются в неравномерной записи фольклорного материала, что связано с дисперсностью проживания саамов и труднодоступностью многих поморских сел. Еще один фактор связан с особым отношением

Т а б л и ц а 3. Сопоставительные данные о частотности и процентном распределении упоминаний рыб в поморских и саамских паремиях

Table 3. Comparative statistics on the frequency and proportional distribution of fish designations in Pomor and Saami paremias

Рыбы / Fish	Поморские / The Pomor		Саамские / The Saami	
	ед. / units	%	ед. / units	%
Рыба как родовое понятие / Fish as a generic concept	11	11,1	8	13,3
Семга / Salmon	2	2,0	1	1,7
Треска / Cod	2	2,0	–	–
Налим / Burbot	2	2,0	–	–
Щука / Pike	2	2,0	1	1,7
Сайка / Saika	1	1,0	–	–
Сиг / Whitefish	1	1,0	–	–
Окунь / Perch	–	–	–	1,7
Итого / Total	21	21,2	11	18,3

²⁹ Саамские сказки. Сост. Е. Я. Пация. Под ред. Г. М. Керга. Мурманск: Кн. изд-во; 1980. С. 216.

поморов к семге: главным по доходности промыслом являлся семужий. Семга шла в основном на продажу, на столах поморов она была редкостью и поэтому особенно ценилась. Налима и окуня поморы считали рыбой второго сорта.

На последнем месте по частотности употребления находятся пословицы о насекомых (табл. 4).

Такие паремии носят единичный характер, в них в основном упоминаются комары, которые летом были настоящим бедствием для людей и животных. Представления саамов о мучениях в аду связаны с комарами: насекомые набивались в нос, рот, уши, глаза так, что человек не мог дышать и погибал в муках³⁰.

Заключение

Проведенное исследование еще раз подтвердило, что поморский и саамский фольклор, формируясь в одних географических условиях, заключает в себе широкие обобщения, отражает формы быта поморов и саамов, долгое время живших на одной территории и вместе постигавших окружающий их мир. Пословицы, поговорки, устойчивые сравнения включают в себя северные реалии, сходный перечень животных, описание общих промыслов, использование регионально маркированной лексики (*вежа, карбас, мошник, менек*). Во многом сходны и нравственные представления северных народов-соседей, отражающиеся в малых фольклорных жанрах. Классификация по опорным словам паремий с зоонимическим компонентом, с одной стороны, позволяет увидеть специфику жизни саамов и поморов, представить их картину мира, с другой – свидетельствует о значительном сходстве материальной и духовной культуры народов-соседей, вытекающем из общности окружающей их северной природы. В то же время проанализированные примеры, в обеих лингвокультурах образующие четыре одинаковые группы, отличаются разной наполняемостью, что обусловлено исторически разными культурами, ценностями вида животного, важностью для этноса фактов действительности. Если в поморских паремиях отразился крестьянский менталитет, то в саамских – менталитет полукочевого народа.

В саамских и поморских паремиях видны разные ценностные установки, связанные с описанием фрагментов мира, наиболее важных для носителей языка, что объясняется сакральными религиозными представлениями этносов, фольклорными традициями, а также опытом взаимодействия человека с животными.

Большое разнообразие сравнительно-сопоставительных научных исследований в области фразеологии финно-угорских и иных языков (близкородственных, дальнеродственных и неродственных) свидетельствует об актуальности данной области языкознания. Проведенный анализ показал, что паремиологический фонд поморов и саамов содержит определенное количество заимствованных из общерусского языка

Т а б л и ц а 4. Сопоставительные данные о частотности и процентном распределении упоминаний насекомых в поморских и саамских паремиях

Table 4. Comparative statistics on the frequency and proportional distribution of insect designations in Pomor and Saami paremias

Насекомые / Insects	Поморские / The Pomor		Саамские / The Saami	
	ед. / units	%	ед. / units	%
Комар / Mosquito	4	4,0	2	3,3
Таракан / Cockroach	1	1,0	–	–
Вошь / Louse	1	1,0	–	–
Паук / Spider	–	–	1	1,7
Муравей / Ant	–	–	1	1,7
Итого / Total	6	6,0	4	6,7

³⁰ Немирович-Данченко В.И. Лапландия и лапландцы. СПб.: Тип. В. А. Тушнова; 1877. С. 294.

единиц. Заимствованных паремий в поморском диалекте из саамского языка обнаружено не было. Общее внутри фольклора Кольского Севера обусловлено единой территорией проживания этносов, одними и теми же географическими условиями; различное сформировано разнокультурными традициями соседствующих этносов региона, этнически разными менталитетами терских поморов и кольских саамов.

Исследование позволило выявить степень устойчивости этнических ценностей с учетом региональных особенностей, специфику взаимовлияния поморского и саамского фольклора. Перспективы работы видятся в выяснении пути и этапов взаимовлияний традиционных культур двух неродственных народов – поморов и саамов – на уровне горизонтальных этносвязей, выхода на архаические явления, отразившиеся в других фольклорных жанрах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрова О.А. Фольклорные сказки и предания кольских саамов в трудах российских исследователей XIX–XX вв. *Труды Кольского научного центра РАН*. 2014;(2):89–108. <https://elibrary.ru/tmigqn>
2. Бодрова О.А., Разумова И.А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов). *Труды Кольского научного центра РАН*. 2015;(7):126–142. <https://elibrary.ru/vslztz>
3. Бодрова О.А. Проблемы изучения фольклора кольских саамов. *Труды Кольского научного центра РАН*. 2016;(3):116–122. <https://elibrary.ru/xcsovl>
4. Мызников С.А. Саамизмы в русскоязычном саамском сказочном фольклоре. *Севернорусские говоры*. 2020;(19):53–76. <https://doi.org/10.30842/01348515202002>
5. Никифорова Ю.Н. К вопросу разграничения пословиц, поговорок, лозунгов, максим, афоризмов и сентенций. *Вестник Башкирского университета*. 2006;11(4):106–109. <https://elibrary.ru/ickeih>
6. Иванищева О.Н. Метафорические модели саамских пословиц. *Финно-угроведение*. 2024;(4):22–35. <https://elibrary.ru/ggcfhs>
7. Бакула В.Б., Безвесельная А.Д. Национально-культурная специфика саамских пословиц. *В мире научных открытий*. 2013;(7):356–370. <https://elibrary.ru/quuiqt>
8. Глухова Н.Н., Глухов В.А. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса: моногр. Йошкар-Ола: Стринг; 2009. 275 с. <https://elibrary.ru/rrowjf>
9. Иванищева О.Н., Мэнцзе Л. Мир животных сквозь призму народной мудрости: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне/лошади/олене. *Человек. Культура. Образование*. 2021;(3):106–123. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-106>
10. Бакула В.Б., Саватеева О.В. Маркеры «своего» и «чужого» в тотемном мифе саамов «Почему олени живут отдельно от людей». *Вестник угроведения*. 2024;14(4):607–615. <https://elibrary.ru/icazre>

REFERENCES

1. Bodrova O.A. Folk Tales and Legends of the Kola Sámi in Papers of Russian Researches of the 19th and 20th Centuries. *Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN*. 2014;(2):89–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/tmigqn>
2. Bodrova O.A., Razumova I.A. Localization of the Oral Narratives of the Sami Folklore on the Kola Peninsula. The Geographic Criterion of Classification of the Kola Sami Folklore. *Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN*. 2015;(7):126–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/vslztz>
1. Bodrova O.A. Problems of Study of the Kola Sami Folklore. *Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN*. 2016;(3):116–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xcsovl>
3. Myznikov S.A. Saami Loan Words in the Russian-Language Saami Fairylore. *Northern Russian Dialects*. 2020;(19):53–76. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30842/01348515202002>
4. Nikiforova Yu.N. [On the Distinction between Proverbs, Sayings, Slogans, Maxims, Aphorisms, and Sentences]. *Bulletin of the Bashkir University*. 2006;11(4):106–108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ickeih>

5. Ivanishcheva O.N. Metaphorical Models of Saami Proverbs. *Finno-Ugric Studies*. 2024;(4):22–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ggcfhs>
6. Bakula V.B., Bezveselnaja A.D. Cultural Identity Sami Proverbs. *In the World of Scientific Discoveries*. 2013;(7):356–370. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/quuiqt>
7. Glukhova N.N., Glukhov V.A. Value Systems of the Finno-Ugric Super-Ethnos: A Monograph. Yoshkar-Ola; 2009. 275 p. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/rrowjf>
8. Ivanishcheva O.N., Mengjie L. The World of Animals through the Prism of Folk Wisdom: a Comparative Analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami Proverbs and Sayings about a Horse/Deer. *Human. Culture. Education*. 2021;(3):106–123. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-106>
9. Bakula V.B., Savateeva O.V. Markers of “Own” and “Alien” in the Sami Totemic Myth “Why do Deer Live Separately from Humans”. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(4):607–615. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/icazre>

Информация об авторах:

Бакула Виктория Борисовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, межкультурных коммуникаций и журналистики Мурманского арктического университета (183038, Российская Федерация, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>, SPIN-код: 5922-8048, museum-vs@yandex.ru

Коренева Анастасия Вячеславовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры филологии, межкультурных коммуникаций и журналистики Мурманского арктического университета (183038, Российская Федерация, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4901-4927>, SPIN-код: 4774-6929, korenevaanast@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В. Б. Бакула – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

А. В. Коренева – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 30.04.2026; одобрена после рецензирования 16.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

Information about the authors:

Victoria B. Bakula, Dr.Sci. (Philol.), Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Intercultural Communications and Journalism, Murmansk Arctic University (15 Kapitana Egorova St., Murmansk 183038, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>, SPIN-code: 5922-8048, museum-vs@yandex.ru

Anastasia V. Koreneva, Dr.Sci. (Ped.), Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Intercultural Communications and Journalism, Murmansk Arctic University (15 Kapitana Egorova St., Murmansk 183038, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4901-4927>, SPIN-code: 4774-6929, korenevaanast@mail.ru

Authors' contribution:

V. B. Bakula – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

A. V. Koreneva – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 30.04.2026; revised 16.06.2026; accepted 22.06.2026.